

Буклемишев. Добрый вечер. Мы, наконец, начинаем. Меня зовут Олег Буклемишев, мой коллега – сопредседатель диспут-клуба Яковлев; экономический факультет в лице декана экономического факультета и всех нас приветствуют вас на юбилейном, сотом заседании нашего диспут-клуба. Сегодня мы в первый раз собираемся в этой, наверное, самой замечательной аудитории самого замечательного учебного корпуса в стране, и сегодня я должен вам сказать: сейчас поставлен один рекорд, точно совершенно. Это самый посещаемый диспут АНЦЭА. Я думаю, что еще через несколько минут аудитория набьется полностью, а она вмещает 500 человек.

Перед тем как приступить к представлению сегодняшних участников диспута, которые в представлении, на самом деле, не нуждаются, я хотел бы привести несколько цифр, они очень интересны.

Проект стартовал 9,5 лет назад, было проведено 100 диспутов, из которых 91 в Москве, 2 во Владивостоке, 3 в Екатеринбурге, 4 в Санкт-Петербурге. Остальные практически все состоялись здесь, на территории экономического факультета МГУ - сначала в старом здании, а теперь - в этом новом замечательном здании, где мы имеем честь вас приветствовать. Сегодня мы хотели бы с вами поговорить о, наверное, самой важной теме, теме, относящейся к будущему: «Стратегия 2030. Что делать с российской экономикой?» Участники сегодня – три президента АНЦЭА за всю историю существования этой организации. Леонид Маркович Григорьев, президент с 2002 по 2005 годы, Александр Александрович Аузан, президент АНЦЭА в еще более нелегкие 2005-2011 годы, и Евсей Томович Гурвич, нынешний президент АНЦЭА с 2011 года.

Сегодня, поскольку формат у нас большой, формат необычный, мы подготовили несколько новшеств, которые, надеюсь, вам понравятся. Мы хотели примирить наше неумное желание насладиться этим интеллектуальным пиршеством и стремление зала участвовать в дискуссии с тем, чтобы не растягивать это удовольствие до утра. Поэтому сегодня мы ввели несколько новинок в наш регламент. По 20 минут выступают сначала диспутанты, вопросов друг другу они не задают, поскольку они уже знают друг друга довольно давно и знают, что каждый спросит и что каждый ответит. Дальше начинается самое интересное: мы будем принимать вопросы к первой части нашего состязания только в письменном виде. Вопросы прошу записывать и передавать, сейчас появится коробочка на каждом из секторов зала. В эту коробочку будут спускаться вопросы. Вопрос - просьба писать, кому вы его адресуете – должен быть посвящен выступлению того или иного диспутанта. Вопросы всем, общие вопросы, вопросы об экономическом факультете, экономической экспертной группе или жизни вообще задавать на этой части диспута нельзя, и мы в процессе модерации, к сожалению, эти вопросы будем вынуждены отфильтровать. Потом мы отдадим определенное время для каждого из выступавших отреагировать на поставленные вопросы. Мы надеемся, что это не затянется надолго, после чего отдадим бразды правления аудитории, и наши помощники, как всегда, подойдут к каждому, кто хочет выступить или задать конкретный вопрос либо всем троим диспутантам, либо какому-то из них. Единственная просьба, чтобы это все делалось быстро и оперативно, потому что у нас формат сегодня очень насыщенный, людей много – все хотят что-то выяснить и понять. Потом, естественно, завершающие слова будут предложены всем диспутантам, и мы прощаемся. Надеюсь, что сегодня мы не очень сильно переберем наш традиционный двухчасовой формат, который уже более 9,5 лет четко соблюдается.

Поэтому я с радостью приглашаю на эту трибуну Леонида Марковича Григорьева как доисторического президента АНЦЭА, поскольку он был президентом АНЦЭА еще до того, как появился диспут-клуб.

Григорьев. Сейчас обнаружил, что у меня «в портфеле» 10 % этого диспута - десятый раз из 100 выступаю за эти годы. Ровно 9,5 лет назад, полные надежд, мы вступили в диспуты, а 25 лет назад мы начинали реформы.

Реплика. Уже все?

Григорьев. 25 лет назад писали «500 дней» и я, честно говоря, отчитываю наш transition с этого времени, потому что, во-первых, это была, как вы знаете: Первая программа, в которой не упоминалось усовершенствование социализма. Во-вторых, потому что в ней была довольно комплексная система мер. В-третьих, у нее был второй том с законами, а они были написаны (не все хорошие, но законы!). Там 2 моих хороших про банкротства - потом я их защищал: в Госплане все считали, что если банкротство, то это означает полное принятие долгов обанкротившегося предприятия, а либералы считали, что ничего никому не полагается. Либералы в смысле – до появления институционального подхода. Так что, на мой взгляд, мы отчасти подводим итоги четверти века и смотрим в будущее.

Строго говоря, я не буду комментировать каждый слайд, Главное, что мы наконец поняли и увидели за 25 лет, что страна безумно сложная. Это были детские разговоры о том, что мы устраивали макроэкономическое равновесие и позволяли «им всем» делать то, что хотят, а они тут сразу все начали себя правильно вести – как в приличной рыночной экономике. Это провалилось в течение нескольких лет, это понятно. И transition - это сложная вещь, в которую должны были входить одновременно и социальные, а не только политические и экономические преобразования – причем в идеале в системе, конечно.

Давайте просто, сейчас что уж стесняться, конечно, нам не удался transition. Мы не смогли перейти от среднеразвитой, очень образованной, избыточно образованной (особенно в военно-промышленном деле) сложной страны к более рыночной, более-менее приличной с точки зрения демократии страны, которая в 10-15 лет выходит. Одной из причин такого тяжелого перехода, конечно, было то, что кризис был по совокупности причин слишком тяжелый. Восточноевропейские страны имели минус 20-25% ВВП в течение 5-6 лет, и это население выдержало. А у нас минус 43% и десятилетие - народ побежал, и рассыпалась система. Кстати, обычно, когда мы ругаем власть, а это наше любимое занятие на диспутах, мы все время забываем, что мы сами не особо сопротивлялись тому, что с нами делала жизнь в эти годы.

Я применяю простой прием: показываю слайд, а говорю что-то еще - обычно все догадываются, что же я хотел сказать. Первую половину слайдов я писал сейчас, но даже там вставлена пара-тройка слайдов из 2007-2008 годов. А вторая половина, которую не удастся сейчас посмотреть - это часть моей презентации 6 февраля 2008 года в ЭМШ. И там собраны основные слайды из той работы, которую мы делали с коллегами по президиуму под названием «Коалиции для Будущего». Большая часть программы 2008 года может быть применена (не министерские детали – правовая среда изменилась, скорее ухудшилась) сегодня практически без радикальных изменений. Но разумеется при том понимании, что тогда все это было перед кризисом 2008 года. Во-вторых, тогда была такая надежда, потому что появились денежки, и было ясно, что «Программа Грефа», начатая в 2001 году, тогда уже выдохлась. Но зато появились большие нефтяные деньги в стране и, может быть, на этой почве можно сделать какой-то прорыв при разумной экономической политике. Была еще недавно Программа «20-20», было много отраслевых и региональных программ, был КДР, но мы говорим о трансформации, а не наборе министерских мер, прогнозе роста или частичных

Где мы теперь.

Ну, любимый слайд с Колодцем – напомним, в чем была идея: общество – бизнес и государство должны прижаться друг к другу спинами и ровненько так идти вверх. Попытки встать на бизнес и общество дадут мало и труднее будет выбраться!

Разумная экономическая политика в каждой стране, где неравенство внутреннее между регионами почти как в ООН,- а если отбросить крайне бедных и крайне богатых, то точно как в ООН, должна меняться в зависимости от обстоятельств. Замечу сразу, чтобы потом больше не впадать в макроэкономику – не может быть постоянно сильного рубля в такой стране, и не может быть вечно слабого рубля в такой ситуации. Часть отраслей и регионов всегда будет хотеть сильного, а другая слабого. Поэтому рубль и политика всегда должна быть сложными, переменными в зависимости от обстоятельств.

Если мы куда-нибудь попадем в 2030 году, то есть на хороший уровень, то это максимально гибкая «гибридная» политика. Вот это та улица развития, из которой мы пошли, которую мы нарисовали в 2007 году, это рисунок с 2007 года, пожалуйста, что ждет нас на подъеме. Формулировка «Рост есть, а счастья нет», это 2003 год, это было придумано мной в марте в «Известиях».

Мобилизация, это то, что у нас произошло. Мы тогда прорешивали четыре варианта. Мы, правда, надеялись, что не это будет, а там было еще 3 варианта: рантье, модернизация, инерция. Но нам выпал путь, конечно, мобилизации. И проблема заключается в том, что можем ли мы перейти... видите, формулировки 8-летней давности были «мобилизация», «инерция», то сейчас мы даже этот вопрос не задаем. А что такое у нас будет к 2030 году?

Среда до 2030

Есть утешение на слайдах, что не у одних у нас плохо – и у других стран большие неприятности. Разыгрывается «японская» болезнь в развитых странах. Кризис и застой во многих странах после 2008-2009 гг. тяжело переносятся и семьями, и фирмами - они не привыкли к этим неприятностям. Падение промышленного производства происходит во многих странах – не мы одни страдаем. Первыми бразильцы довели себя до кризиса, замедление в Китае. Но в BRICS средние темпы роста будут выше, чем в развитых на обозримый период.

Продолжая слайд-шоу – бегло покажу еще несколько, чтобы было понятно, как выглядит профессиональный анализ для тех, кто интересуется нефтью. Американская буровая промышленность становится «свинг» производством: упали цены на нефть и снизилось бурение – цены подтолкнет вверх; накачают нефти – тогда вниз. Колебания цен на нефть - при отсутствии крупных переломов и политических шоков - будут теперь несколько более гладкими и менее приятными. В мире идет ломка географического развития, новые технологические сдвиги, перестройка энергетики – пора адаптироваться к реалиям этого очень сложного мира, а не ждать скачка цены «бочки».

Но вот в БРИКС мы теперь в ловушках - своеобразных, но, в принципе, это ловушка среднего уровня развития. И это понятная вещь, но выбраться из нее сложно из наших 15 тысяч долларов на душу населения, плюс-минус колебания валют. Перескочить на 25 тысяч, где более устойчивое общество, очень тяжело - у каждого такое было! Нет никакой универсальной политики на все времена, нет ничего устойчивого в этом мире! Нет модели для такой страны как наша и, в принципе, не может быть просто четкой постоянной модели роста и экономической политики (нужен, как уже говорилось, «гибрид» и сложный)! Все, что в мире толкового придумали, это для небольшой страны с открытой экономикой. Боже мой, где вы видели в России однородную маленькую страну с открытой экономикой? Я уже не буду больше о макро – уйду «с макро территории» Е.Гурвича.

Внешние условия для устойчивого развития - это достаточно понятно. Нам было бы хорошо – целых 60 долларов, но чтобы они были устойчивы. Посмотрите энергетическую стратегию 2003 года – ее писали бедняки с мечтой о 20 долларах за баррель. Посмотрите стратегию 2008 года – это люди, у которых заметен восторг от 140 долларов за баррель. Мы – экономисты - предупреждали все эти год, чтобы были осторожнее и закладывались по расходам по нижней планке и с учетом колебаний. Теперь милые такие политики: «Ты

говорил про 200 долларов за баррель». Но цитату из меня не показывают. Говорил-то я на самом деле с весны 2009 года (был семинар в ИМЭМО РАН – опубликовано), что нормальные цены по сравнению с 90-ми (средняя за 1986-2002 – это 20 номинальных долларов) – это 60-80 долларов, ну 90, если очень хочется. И нам не нужны такие высокие цены (хотя так удобно!), но мы ведь мозги отключаем! Можно исходить на период до 2030 из сложностей во вне, и санкции, думаю, в какой-то степени навсегда. Это же конфликт элит, а они очень злопамятны и не вполне рациональны.

Кстати, о будущей пропаганде - теперь будут рассказывать своему населению, какие россияне страшные (так было в 1970-80-ые). Летел домой ночью к Диспуту через океан – смотрел фильм с Киану Ривзом. Краткий сюжет: замечательный благородный (по-своему) американский киллер - профессионал ушел на пенсию. Но «наглые русские бандиты» просто так из хулиганских побуждений угнали у него машину, убили у него собачку... После чего он возвращается с пенсии к привычной работе и мастерски убивает не меньше 100 русскоговорящих злодеев и главаря русской мафии. Это вам не старый добрый «Заводной апельсин». Мне герой понравился, а вот откуда они столько русскоязычных бандитов нашли? По показу в кино они, хотя их никто не видел по судам, все стреляют – обгоняют наркомафию.

Миграция в Европе, волнения на Большом Ближнем и Среднем Востоке, тогда еще рост влияния в Европе (у соседей) правых партий... Глобальные конфликты и проблемы, конечно, будут обостряться. Новые цели Тысячелетия и по Климату будет трудно выполнять. Но я не буду выступать с чрезмерно мрачными предсказаниями, можно надеяться на здравый смысл, но пока все очень неприятно.

Программа до 2030.

Возник вопрос при подготовке диспута, если пишешь программу до 2030, то для нее надо назвать премьер-министра. Есть государство- регулятор текущих процессов, а есть государство-реформатор. И я написал, что если уж выступаешь с программой, то ты де факто «премьер-министр по функции». Но до 2030 года нам надо будет пережить годы санкций, тяжелые времена, и адаптироваться. Десять лет на развитие и адаптироваться к 50-60 долларам за баррель. Но, грубо говоря, взять несчастную бочку с нефтью, но ренту надо реинвестировать, то есть помимо расходов на пенсионеров и оборону должен быть существенный вклад в развитие.

Но наши проблемы лежат в сфере крупной собственности и финансового сектора. Мы создали систему контроля собственности, которая теоретически не может выйти на хорошие биржи, потому что у нас минимальный контрольный пакет акций 75 %, а лучше 100%. Но все отчитались в достижениях по сегментам финансового сектора. Но рынка облигаций нет, банков частных больших нет. Есть только три государственных, остальное в общем малые банки по мировым стандартам и по сравнению с потребностями в финансировании. В стане сорок крупных концернов и нет финансовых рынков. Все отчитались в успехах трансформации финансовой системы. Надо понимать, мы не сделали элементарной работы за 20 лет, поэтому и сейчас это обсуждаем. Вот хорошо бы облигации! Дайте шанс, купите билет! Нехватка средств для инфраструктурных проектов, но так и не наладили рынок.

Новый старт развития сегодня (спад в 2015 и может быть в 2016 гг.) не слишком веселый и стоит подумать, как именно мы собираемся расти. Пока мы радуемся, что у нас ВВП падает не очень сильно (около 4% в 2015) за счет прироста чистого экспорта. Да, но реальное личное потребление, накопление и государственные расходы упали очень прилично – 6-10%! Вырос чистый экспорт и ВВП упал меньше, но это же статистическая конвенция.

Ключевые проблемы 2030. Ну, ничего не придумано в мире, кроме людей. И классики капитализма - от Смита до Маркса и дальше, - видимо, все-таки, были правы: человек что-то создает. А если мы говорим о прогрессе, то все равно речь идет о креативном классе: бизнес, интеллигенция, инновация. Чем хорош чиновник, он присматривает, чтобы инноваций не было слишком много, чтобы они не мешали ему работать. Но все равно кто-то должен придумывать. Борьба с инновациями просто бессмысленна и крайне опасна для будущего страны. Ресурсы сейчас при сжатии рент, ну, наверное, на 10 % меньше. Импортозамещение стоит, конечно, эффективности. Если бы санкций не было, их надо было бы придумать – иначе так и не дадим денег своим инженерам – все просто купим в обмен на «бочки». Но большие инфраструктурные проекты – понятно нам дороговаты. Проблема коррупции обостряется при доминировании государства в инвестиционном финансировании – тяжелая потеря мощности управления и эффективности.

Дальше все также, как было во всех программах от «500 дней» до «20-20»: развитие финансового сектора и конкуренция. Поляки без большой приватизации на госпредприятиях справились с развитием с помощью конкуренции! И они чемпионы Европы по росту в последние лет десять, они лучше Германии справились с кризисом. А главное, им с их низкой зарплатой дали влиться в ЕС, чтобы конкурировать. Мы могли бы учиться у поляков, они умные, они придумали ваучер, в отличие от нас не стали их применять, они подарили нам эту идею, а мы и применили. Но это так – ностальгия.

Внутренние реалии.

Промышленная политика и региональная: они должны быть либо устойчивые, либо они вредны. Человеческий капитал – да навалом у нас человеческого капитала – вопрос, что мы с ним делаем. Мы сбываем тысячи студентов за рубеж, но у нас мало рабочих мест для них потом. У нас в подъездах фирм и центров, университетов и кинотеатров раньше сидел один охранник с ключом, потом он с пистолетом, потом он взял второго, потом они поставили телекамеру, потом они поставили три дюжины телекамер. А теперь сидят вчетвером, проверяют документы, записывают паспорта и пишут записки начальству, что очень опасно кругом, надо им зенитный пулемет в каждый подъезд. У нас же похоже полутора миллионов охранников, а мы все жалуемся, что нет собственной рабочей силы. Давайте введем налог на охранников!

Как было сказано, рабочая сила занята охраной себя, регионы лоббируют финансы, это понятно, большие проекты все с таким уровнем по коррупции, что хочется поделить на 4. Нашествие эффективных менеджеров, которые не понимают, чем они управляют – это еще одна проблема. В каждой конторе сидит какой-то старый спец и пара мальчиков и девочек, которые делают всю работу, над ними вот такие 6 пирамид управленцев.

Наконец, немного про интеллигенцию. Все-таки гедонизм победил - интеллигенция рассуждает о трудности добычи пармезана. Реакция на санкции – где пармезан. Что же за менталитет? Именно на нефтяной арене профессура добралась до свободы путешествий - есть деньги, естественно, можно в любой момент улететь, визы у всех есть. Но пармезана – символа благополучия - на дому лишили, вызвав комическую бурю в Фейсбуке! Государство раздает понемногу, остальные борются за бюджетные ресурсы. Вот и вся реакция на кризис. Если мы во всех проблемах этой страны – политических, социальных и т.д. будем бесконечно дебатировать о виноватых, а не пытаться все это каждый делать на своем месте, то ничего не получится.

Ну, и в заключение напомним, что мы обсуждали в «Коалициях для будущего» семь лет назад. Нужна ясная Стратегия развития до 2050 года в общей форме, то есть нужно согласие между элитами о будущем страны, которое было бы приемлемо основным слоям населения. А потом еще устойчивую политику с ориентирами на несколько десятилетий, и

еще знать, куда идешь, а потом от этого формировать будущие политики в отраслях, регионах и иных структурах. Критерии успеха: рост ВВП на душу за 30 тысяч долларов (тогда и детали можно адаптировать), резкое снижение коррупции (это и условие успеха), сокращение неравенства и усиление вертикальных лифтов. А как примета – возврат студентов домой на работу.

Внешние обстоятельства могут меняться, а политика может быть гибкой в деталях, но опираться на общество, креативный класс, чтобы устоять в мировой конкуренции и обеспечить благосостояние жителям страны. В презентации, в принципе, была простая мысль, что Программа 2008 года «Коалиции для будущего» во многом работоспособна. Кстати, прежде чем все писать заново, можно еще пробежаться по трем программам 21 века – сделать сводку по секторам и крупным проблемам: 2001 – 2008 – 2012. Заодно будет ясно, что сами понимали, что не понимали. А можно еще создать госкорпорацию по программам развития. От этого можно говорить о практической стороне дела на ближайшие годы до 2030 – неизбежно «гибридная стратегия» - слишком сложная страна.

Буклемишев. Спасибо, Леонид Маркович. Я хочу обратить ваше внимание, что на первых рядах появились коробочки, это коробочки ровно для сбора вопросов в письменном виде.

Григорьев. Это не данейшенс.

Буклемишев. Данейшенс тоже. Вопросы можно написать на купюре, в конце концов! Но указать, кому этот предназначен вопрос.

Григорьев. Банку России.

Буклемишев. Несомненно. Второй наш презентер, участник диспута – Александр Александрович Аузан, декан экономического факультета.

Аузан. Я-то здешний, поэтому я знаю, как надо обращаться с этим микрофоном. Его нужно целовать практически в губы, тогда люди далеко услышат, о чем диспут! Чтобы было ощущение диспута, сразу начну с точки разногласий. Леонид Маркович считает, что транзит не удался, я считаю, что транзит прошел необычайно успешно, просто это был транзит от экономики дефицита к обществу потребления. Попробуйте доказать, что мы не прошли эту колоссальную дорогу от дефицитной экономики 80-х годов до, я бы сказал, лопающегося от пармезана общества потребления 2013 года! Поэтому во многом та точка, в которой мы находимся, определяется не неудачей транзита, а его успехом.

Но начнем все-таки с предшественников. Я за точку отчета беру первую официальную стратегию, которая почти была принята. Я напоминаю, что программа Грефа 27 июня 2000 года была рассмотрена на заседании Правительства Российской Федерации, принята за основу, и больше к этому вопросу не возвращались. Концепция долгосрочного развития России 2020 была подписана председателем правительства Владимиром Владимировичем Путиным в октябре 2008 года через 2 недели после крушения мировых рынков и начала мирового кризиса, и в этот момент была выпущена концепция. Стратегия 2020, вообще говоря, представляет собой набор альтернативных вариантов экономической политики. На вопрос, какой же вариант выбирать, правительство так и не ответило, поэтому стратегия 2020 несомненно успешна, потому что она готова к применению в любой момент. Оттуда, насколько я понимаю, были применены бюджетный и налоговый маневр в некотором противоречии друг с другом. Но если говорить о развитии понимания в этих стратегических документах, то это, конечно, происходило, потому что первая была интересна уже потому, что это реальная программа, действующая программа первого президентского срока Путина, когда шли вполне очевидные и результативные реформы. Во втором документе он очень технократически хорошо сделан, СДР - 2020, потому что там выставлены целевые показатели количественные, они завязаны между собой. Эта работа была бы хороша, если бы мы понимали, куда мы идем. И, наконец, третий документ по

существому описал всю палитру возможностей. Но поскольку выбора не произошло, получается, что мы за 15 лет стратегирования не ответили на вопрос, куда мы плывем. Поэтому все стратегии в данном случае про то, насколько быстро нужно двигать веслами. А вопрос, куда плывем, он не поставлен. Поэтому мне представляется, что это есть центральный вопрос, с которым придется иметь дело.

А куда же в это время шел реальный сдвиг в стране? Если Леонид Маркович говорил о динамике собственно экономических показателей, то мне, конечно, гораздо удобнее показывать, что происходило с социальным контрактом, то есть обменом ожиданий населения на определенные установки власти и ценности, которые предлагались, и последствия этого для экономической политики. Я напомним, что впервые формулировка «общественный договор» появилась как раз в преамбуле программы Грефа, и там это называлось «налоги в обмен на порядок». Надо сказать, что формула, по-моему, была довольно точной. Она дала определенные результаты в первые годы реформирования, но потом произошел сбой. С чем он был связан? Например, с тем, что начался не только рост в стране, который имел внутренние источники, но и конъюнктурный рост нефтяных доходов. И подобно тому, как это произошло с Саматлорской нефтью в 60-е годы, было принято решение не в пользу реформ, а в пользу ренты. Вследствие этого и ожидания населения поменялись, и установка власти поменялась. Потому что довольно долго мы существовали в благополучных условиях обмена стабильности на лояльность. Шел рост реальных доходов, власть не вмешивалась в экономические и личные дела населения, а население не вмешивалось в дела государства и было согласно на ограничение своих прав в политике. Убрать выборность губернаторов? Можно убрать выборность губернаторов, хотя веселее с выборностью. Сложнее стало, когда экономическая конъюнктура ухудшилась во время кризиса 2008-2009 года, поэтому пришлось пойти на модификацию. На то, чтобы сделать накачку доходов бюджетников и пенсионеров, что дало довольно мягкий выход из кризиса, облегчило политически власти тяжелый электоральный кризис 2011-12 года, но при этом дало очень мощные макроэкономические последствия, потому что экономика была не в состоянии дальше тащить этот груз.

То, что произошло потом, мы понимаем - это все, на самом деле, просто. Это уже нефть. Потому что в 2014 году произошел очень серьезный сдвиг. Почему он произошел? Можно говорить о разных причинах. Можно говорить о том, что не сходились концы с концами по социальным обязательствам в прежней модели социальной экономики, можно говорить о том, что начавшееся с 2011 года замедление нужно было чем-то компенсировать. Оно было компенсировано, я бы сказал, расширением пространства. Потому что Абхазия, Крым, Арктика, это некоторая компенсация того, что страна движется все медленней и все менее результативно. Конечно, были культурные предпосылки у такого развития событий - это несомненно, потому что об архетипах писали и говорили довольно много, но я бы обратил внимание на то, с чего я начал. Вот смотрите, если мы возьмем наши высшие точки развития: видимо, конец 50-х – начало 60-х годов, когда мы лидируем в космосе, имеем нобелевские премии, «Летят журавли», Стругацкие, Куба... Чего нет? Есть определенное мировое лидерство, важность страны, привлекательность. В стране тяжело жить, в экономике дефицит! Что изменилось с тех пор? Экономика дефицита ушла, общество потребления построено. Дальше возник вопрос: так, мы ведь еще были великой державой, кажется? Вот с этим у нас как? Поэтому, мне кажется, это довольно важная предпосылка поворота, потому что исчерпание задач, связанных с собственным потреблением, было видно, как идет от шоковых реформ Ельцина к тому, как при Путине продвигались мобильная телефония и торговые сети в областные сети, и вместе с ними продвигалось это самое общество потребления в его таких наиболее рельефных формах, поэтому в итоге мы оказались в точке, когда, заметьте, реальные доходы населения снижаются, при этом

протестов – видимых, по крайней мере – нет, индекс социальных ожиданий высокий, консолидация вокруг власти высокая.

Мне представляется, что мы теперь в другой форме обмена ожиданиями. Ограничение потребления меняется в данном случае на принадлежность к великой державе или на ощущение такой принадлежности. Вот это слайды, которые я начинаю показывать для того, чтобы сказать о том, в чем центральная, на мой взгляд, проблема всей динамики. Следующие 3 слайда – считайте, что сегодня не 17 сентября, а 2 октября. Потому что этот слайд из доклада, который будет делаться на Сочинском форуме, это исследования, в которых - в опросе - принимало участие значительное количество членов экспертного совета при правительстве, 124 члена экспертного совета принимали участие. Посмотрите на эту диаграмму - на эти зеленые столбики. Это мнения экспертов, людей разных взглядов и несомненно квалифицированных, правительственных экспертов по поводу того, куда надо вкладываться. Видите, преимущество здесь явно у образования и здравоохранения, затем инфраструктура, затем оборонно-промышленный комплекс с резким отставанием. А красная линия, это их же мнение по поводу того, куда будет это происходить, насколько вероятно, что будут вкладываться в образование и в здравоохранение, в инфраструктуру или в оборонно-промышленный комплекс. Как видите, здесь они выстраиваются совершенно по-другому. Лидируют уже вложения в ОПК. Есть надежда на то, что будут немного прирастать вложения в инфраструктуру, и нет надежд на то, что они будут расти в образовании. Почему? Ведь формально были объявлены цели инвестиций в человеческий капитал, расширение инфраструктуры...

Я сейчас покажу 2 слайда, которые, по-моему, дают ответ на этот вопрос. Это вот динамика доверия к президенту, правительству, судебной системе, к небанковским финансовым институтам, людей друг к другу, повторяю, по мнению экспертов. Что здесь характерно? Политическое доверие, скорее всего, будет стабильным, доверие к правительству и экономическим институтам будет снижаться. Но самое страшное, конечно, это то, что в красном кружке. Надежд на увеличение доверия практически нет. А еще Мансур Олсен показал, что обычно серьезным экономическим скачкам предшествует накопление доверия, резкий рост социального капитала. Так было, когда не было еще понятия социального капитала.

А почему так происходит? Это представления о горизонте планирования, о том, каков реальный, желательный и возможный горизонт планирования лиц, принимающих государственные решения. Как видите, большинство экспертов считает, что реальный горизонт – до 3 лет. Желательный до 10 и более, а может быть, удастся на 5-6. Теперь давайте вернемся и поймем механизм - как он работает. Посмотрите, вложения в образование и в здравоохранение когда дадут результат? Да бог его знает, это очень длинные инвестиции! При этом в отношении групп, имеющих малую переговорную силу. А инфраструктура, это уже интереснее, потому что это строительные работы, это возможность разных видов оппортунистического поведения, это разные группы, которые заинтересованы, это региональные элиты – тут уже шанс повышается. Оборонно-промышленный комплекс - это вообще классно, потому что это и политически работает, и условия, при которых происходит расходование сегодня, весьма непрозрачны. Поэтому, как только мы имеем короткий горизонт, вот так обратным образом выстраивается у людей эта кривая вероятности. Она из короткого горизонта.

Исходя из этого, что у нас с будущим? Потому что, если определяться с образом будущего, то надо сыграть в честную игру. Потому что попытки до этого создавать позитивный образ будущего приводили к известной истории из «Женитьбы» Гоголя, когда там чей-то нос надо к чьим-то губам. Потому что нельзя построить будущее по принципу «Мы за все хорошее, против всего плохого». Мы еще за развитие каждой отрасли в

ресурсных масштабах всего российского государства. Поэтому ресурсные ограничения нас заставляют выбирать. И по существу, за этими потенциалами стоят некоторые образы будущего. Потому что нынешняя ориентации инвестиций, это, по существу, поддержка образа, который надо просчитывать, его надо смотреть. Можем ли мы стать военной супердержавой? У экономистов есть серьезные сомнения, связанные с объемом ВВП нашего в мире, технологических ограничений. Но это надо считать. Вложения в инфраструктуру – мы действительно самая большая страна в мире, это правда, это факт - это означает, что у нас есть возможность не только Великого шелкового пути, но и трансполярных сообщений, перевозок по Северному морскому пути подводными лодками, направление север-юг, а не только запад-восток, уход от концентрической сети дорог и т.д. И, наконец, человеческий потенциал, которым мы обогреваем мир очень тщательно в течение последних 25 лет, и уже поэтому видно, что это потенциал значительной емкости. Можно ли понять предпочтительный образ по опросам, по мнению совершенно разных людей? Пожалуйста, я приведу: в течение одной недели Сергей Глазьев и Алексей Кудрин высказались по вопросам стратегии вроде бы, противоположным образом, но Глазьев предложил невиданно большую долю валового продукта вложить в человеческий капитал, а Кудрин заявил, что человеческий капитал бесценен в принципе. Это точка консенсуса, только у нас реальное движение идет не в этом направлении, а я бы сказал, в противоположном. Можно ли его изменить? На мой взгляд, да, если мы понимаем, как устроена ловушка. Если ловушка связана с короткими горизонтами, с тем, что нынешние интересы целям, с которыми многие согласны, никак не соотносятся, что интересы идут в одну сторону, а цели в совершенно другую, мы можем 10 раз провозглашать диверсификацию, пространственное развитие, инвестиции в человеческий капитал, - у нас будет происходить рост энергозависимости, концентрация населения и снижение затрат в человеческий капитал. Потому что короткие горизонты, низкий уровень доверия! Потому что институты не стыкуют своими стимулами нынешний интерес и долгосрочные цели.

Тогда нужны 3 вещи. Первое, институциональные преобразования должны быть направлены на промежуточные, как сказал бы академик Полтерович, переходные институты, которые стыкуют долгосрочные цели с частными интересами потенциальных инвесторов. Разных! Населения, бизнеса, государства. Нужен сдвиг в культуре. Из завтра в сегодня – выбор образа будущего, вообще говоря, влияет на сегодняшнюю деятельность. И из сегодня в завтра, потому что мы имеем тот культурный профиль, который имеем. Мы имеем возможности серьезного развития в нише. Я говорю об этом все время: нынешние неформальные институты позволяют России позиционироваться в сферах производства нестандартизированной продукции. Продуктов уникальных, малосерийных, штучных, креативных, опытных производствах. И, наконец, как может меняться этот социальный контракт? Как он может настраиваться на человеческий капитал? Только одним способом, на мой взгляд, - если повышается переговорная сила самих носителей человеческого капитала. Если они нужны экономике страны, а им нужно то, что Асемоглу и Робинсон назвали инклюзивными институтами – институтами, в которых хорошо и комфортно живет высококвалифицированным людям, занимающимся саморазвитием и развитием. Поэтому если мы настроимся на такую трансформацию, постепенное повышение, то примерно понятно, какие меры были бы нужны. Потому что тогда мы бы двигались через изменение в трех плоскостях. Посмотрите, сейчас самый интересный инвестор будущего - это население. Потому что у него больше 10 триллионов рублей. А мы считаем, сейчас инвестировать должно государство. Между прочим, самый бедный из инвесторов. У него порядка 13-14 триллионов. 14 триллионов у частного бизнеса. Население перекрывает по возможностям и то, и другое. Только оно вам копейки не даст в этих условиях! При этом население как раз по опросу было бы заинтересовано в том, чтобы были школа, детский сад, поликлиника,

больницы – в этом есть прямые интересы населения, а у государства их нет. Я бы даже сказал, наоборот. Поэтому взаимосвязанные вещи: движение от одного образа будущего к другому - сдвиг, может происходить, если мы сдвигаемся, во-первых, в социокультурных характеристиках, во-вторых, в стыковках интересов этих инвесторов через, например, прямые налоги с селективным распределением и т.д. Поэтому я бы сказал, что вот примерный набор мер, который может давать образ будущего, к которому нас сейчас тащит, и тот образ, который, по существу, многие называют как наиболее желательный. Страна умных людей. Вот посмотрите, оборонно-промышленный комплекс – сейчас важная точка закрыта. На мой взгляд, здесь возможен интеллектуальный маневр, потому что ОПК... ведь, вообще говоря, взять деньги на инновации у человека трудно. Потребителю инновация особенно не нужна. Его можно либо обмануть, либо напугать и сказать: «Не хочешь кормить свою армию, будешь кормить чужую». Поэтому инновационный процесс там, конечно, запустить можно. Вопрос, как его пускать дальше? Это, на мой взгляд, и есть интеллектуальный маневр в ОПК.

Так, заканчиваю. Дальше мы идем тогда в государственные инвестиции в инфраструктуру. Это расширяет группы поддержки, и это позволяет соединить государственные и частные деньги. Децентрализация налогов и полномочий в пользу регионов вместе с прямыми налогами и введения возможности рублем голосовать будет означать рост значения инвестиций в человеческий капитал через деньги населения. Потому что пока не будет культурных сдвигов, скорее всего, принудительные механизмы в виде накопительных пенсий и в виде прямых налогов могут работать. На мой взгляд, это первоочередные шаги, которые могут дать какой-то результат, а к какой точке эти первые результаты приведут через 20 лет (потому что я полагаю, что стратегию надо делать не на 2030 год, а на 2035 год - посмотрите на политические циклы, стратегии должны быть соединены с политическими циклами). Что будет в 2035 году, я предлагаю собраться и в этой аудитории обсудить. Спасибо.

Буклемишев. Перед тем, как передать слово Евсею Томовичу Гурвичу, я хочу напомнить, что стоят замечательные коробочки, в которые начинают поступать вопросы, на мой взгляд, непросвещенный, их нескромно мало. У вас есть еще 20 с небольшим минут, чтобы сформулировать свой вопрос, и мы немедленно доведем вопросы до выступающих. Аuzан в качестве модератора был бы, наверное, недоволен, как мы модулируем его, потому что не жестко соблюдали регламент. Но я позволю себе нарушить регламент, не согласиться с Александром Александровичем в другом. Все-таки в этой аудитории собрались люди, думающие о 2030 годе, в горизонте 15 лет, как минимум. В то время как большинство человечества сейчас смотрит за тем, изменится на четверть процентного пункта некая процентная ставочка или не изменится. Мы с вами смотрим на 15 лет вперед. Евсей Томович Гурвич, нынешний президент АНЦЭА.

Гурвич. Уважаемые коллеги, мой доклад более технический, более насыщен цифрами. Простые перелопаченные цифры. Я начну с попытки понять вместе с вами, где мы находимся («мы» - это наша экономика). Для этого я посмотрел на рост ВВП за последние 10 лет. Вы помните, что у нас был лозунг «За 10 лет удвоить ВВП». Сейчас мы сравниваем 2014 год с 2005-м, когда цены на нефть в долларах были практически такими же, как в этом году (то есть влияние этого фактора нивелируется). Получается, что за 10 лет накопленный рост российской экономики составил 27%. Обратите внимание, что мир вырос намного больше на 45%. Средние темпы роста у нас за это время составили 2,4% по сравнению с 3,7% в мире, т.е. мы росли в 1,5 раза медленней. Какова доля российской экономики в мировой? Она менялась вместе с ценами на нефть. Выросли цены на нефть – удельный вес российской экономики растет, нам кажется, что наша значимость в мире повышается, наши позиции укрепляются. Падают цены на нефть – вместе с ней падает доля нашей экономики. За 10 лет

она практически осталась на том же уровне, где и была: порядка 1,6-1,7% мировой экономики, в итоге мы никуда не сдвинулись. Остается очень высокий чистый вывоз капитала частного сектора, то есть наша экономика остается малопривлекательной для инвестиций, и это показывает, что у нас, по крайней мере, одной нет проблемы: у нас остается достаточно высокий уровень сбережений в экономике, во многих развивающихся стран в этом состоит ключевая проблема. Это, одна из немногих проблем, которых мы не имеем. Еще есть несколько проблем, от которых мы тоже освобождены – скажем, у нас долговая нагрузка, государственный долг очень маленький. Но большой отток капитала говорит о том, что наша проблема не в том, что нет денег, это самое популярное объяснение наших проблем. Если нет денег, то объясните, что тогда утекает из страны в таких огромных масштабах? Этот вопрос мне всегда хочется задать тем, кто доказывает, что главная проблема экономики – «нехватка денег».

Следующий слайд показывает, что последние годы очень синхронизировался рост экономики и изменение объема нефтяных сверхдоходов. Начиная с 2008 года корреляция близка к 1, она составляет 0,93. Это говорит, что несмотря на все усилия нашей власти, у нас вместо диверсификации экономики, о которой так много говорили, произошла ее «баррелизация». Что мы сейчас и видим практически на ежедневной основе – экономика реагирует на малейшее движение нефтяных цен. И в силу этого, чтобы оценить наши перспективы, естественно, важно понимать, как будет дальше меняться цена на нефть, раз мы так к ней привязаны. Только что вышел 9 номер «Вопросов экономики», там опубликована наша статья с коллегами, где мы, ссылаясь в том числе на международные работы, приводим аргументы в пользу того, что цены на нефть только что (в 2012 году) прошли пик 30-летнего суперцикла и вступили в длительную фазу падения, которая закончится как раз примерно в районе 2030 года, о котором мы говорим. К этому времени цена на нефть может снизиться до 30-35 долларов за баррель (в сегодняшних долларах). Это не значит, что цены на нефть сразу обвалятся - это будет процесс с колебаниями, но общий тренд будет идти понижающийся. Наш основной месседж состоит в том, что сейчас не низкие цены на нефть, сейчас, по нашему мнению, как раз нормальные, они соответствуют долгосрочному тренду. А вот предыдущие 15 лет они были аномально высокими – нужно воспринимать это как удачу - мы выиграли в лотерею примерно 2,5 триллиона долларов. Но при этом были уверены, что мы их «заработали», и эти сверхдоходы нам даны теперь навсегда. Но теперь наступает горькое разочарование и, надеюсь, осознание истинной ситуации.

При таких условиях перспективы нашего роста совсем не радужные. Они и так (при неизменных ценах на нефть) не очень блестящие, но при падающих ценах – совсем тяжелые. Я оцениваю возможные средние темпы роста в таких условиях между 1% и 1,5%. Это в 2-3 раза меньше, чем рост мировой экономики. С соответствующими последствиями и для возможностей государства, и для зарплаты граждан, и того, что для нас всегда было важным (а сейчас важно, как никогда) - нашей позиции в мировой экономике. По моему убеждению, именно доля страны в мировом ВВП определяет ее объективную значимость в мире. Сейчас по этому показателю мы, со своими 1,7%, стоим наравне с Мексикой. А к 2030 году, если не предпримем героических усилий, т.е. не проведем серьезных, глубоких реформ, наша доля сожмется примерно до 1% мировой экономики. Проецируя на текущее положение это значит, что мы окажемся где-то между нынешними позициями Индонезии и Турции. При наших амбициях, наверное, это будет болезненно, но выход только один – работать, все зависит от нас.

Что же тормозит нашу экономику? Меня долго огорчало, что власть никак не поставит диагноз, но, наконец, в мае вышли переработанные «Основные направления деятельности правительства», и там появились формулировки, с которыми я полностью

согласен. Там написано, что проблема «в высокой доле присутствия государства в экономике при низкой эффективности его участия в ней. Для компаний с госучастием характерен рост издержек темпами выше, чем в частном секторе, поддержание избыточного уровня занятости, верификация ряда инвестиционных проектов с отрицательным денежным потоком». Это красивые и точные формулировки, правда, странно их слышать в устах нашего правительства. Они нормально звучали бы в устах экспертов МВФ или других внешних экспертов, которые никак не несут ответственность и не могут повлиять на долю государства в нашей экономике. Для правительства же это выглядит странно. Почему оно допустило такую ситуацию, когда, во-первых, растет доля государства, во-вторых, контролируемый им сектор столь неэффективен?

Понятно, что это риторический вопрос. Хочу обратить внимание, что первый параграф на этой странице почти дословно повторяет то, с чего начиналась программа Грефа. То есть прошло 15 лет, но мало что за это время изменилось.

Другой (дополняющий этот) вариант объяснения слабых экономических результатов: в статье с А.Л.Кудриным мы пишем, что проблема заключается в слабости рыночных механизмов, ослабление зависимости компаний от экономических результатов деятельности, то есть том, что по Корнаи называется «мягкими бюджетными ограничениями». Еще более конкретное объяснение состоит в том, что та модель роста, которая у нас действовала, объективно исчерпала свои возможности, поскольку была ориентирована на рост цен на нефть. За счет этого увеличивался внутренний спрос, и производители ориентировались на удовлетворение растущего спроса за счет наращивания производства. То есть это была модель, ориентированная на экспансию, а не на повышение эффективности. Но при этом увеличение выпуска сопровождалось увеличением занятости, что вело к снижению безработицы. Одна из характерных черт нашей экономики, которую мы с помощью эконометрических моделей выявили, это то, что зарплата остро реагирует на снижение безработицы. Результатом этого было то, что в последние годы в среднем на 1 процентный пункт в год растет доля оплаты труда в ВВП, и примерно на столько же сокращается доля валовой прибыли. Это означает, что наша экономика каждый год шаг за шагом теряет конкурентоспособность. Можно посмотреть на этот процесс с другой стороны и сказать что у экономики все меньше инвестиционных ресурсов, т.е. происходит сдвиг от накопления к потреблению. Даже если бы продолжался и дальше рост цен на нефть, все равно эта модель привела бы к коллапсу, потому что не может экономика функционировать, если дойдет до 0% валовая прибыль (или даже до 10%, даже до 20%). К этому через какое-то время пришлось бы.

Мы видим, что у нас не очень радужные перспективы, но ведь власть все время действовала, принимала различные программы, меры. Какие же результаты этих программ и мер? Я внимательно изучил Концепцию долгосрочного развития (КДР), принятую правительством в 2008 году. Недавно президент на прямой линии, отвечая Алексею Кудрину, сказал, что никто не отменял КДР. Действительно, она формально остается единственным документом по общей экономической стратегии. И Медведев сказал, выступая в Думе, что у нас остаются те же ориентиры. КДР предусматривает, что за 2008 - 2020 годы объем ВВП вырастет минимум на 125%. Не на 25 %, а на 125 %! Фактически, если мы возьмем факты на сегодняшний день и объединим с прогнозом МВФ, окажется что что рост составит меньше 12 %. То есть расхождение в 10 раз, на порядок! Как вы видите, план, который предусмотрен КДР, будет выполнен на 10%. То же касается и производительности труда. Она должна была вырасти на 140-150%, по прогнозам же вырастет меньше, чем на 15%. Средние темпы роста за этот период будут меньше средних мировых в 5 раз.

Возьмем более свежий указ президента от 7 мая 2012 года, там ставилась задача повысить производительность труда к 2018 году по сравнению с 2011 на 50%. По свежему

прогнозу Минэкономики, который, правда, уже считается слишком оптимистичным и будет пересмотрен, она повысится меньше чем на 10%. То есть здесь план на 20% будет выполнен, но за 6 лет, а там на 10% за 12 лет. Далее, вместо повышения нормы накопления до 27% ВВП к 2018 году, она снижается до 19%. В Указе есть и качественные задачи - например, начиная с 2012 года, проводить обязательный публичный аудит всех крупных инвестиционных проектов с госучастием. Вы, наверное, знаете, что за последний год из ФНБ приняли решение об инвестировании примерно 820 миллиардов рублей. Я не слышал ни об одном случае такого аудита, хотя уже не 2012 год, а несколько позже. Если кто-то слышал, буду признателен.

Почему это не работает? Например, в КДР, на мой взгляд, проблема в том, что детально расписано, что нужно делать государству и бизнесу, но не сказано, почему участники экономики будут действовать так. То есть полностью упущены политэкономические моменты - представление о том что экономика состоит из участников со своими интересами. Мышление такое – если есть программа, все должны ее выполнять. Мы видим, что это совершенно не так и по количественным, и по качественным показателям.

Мне кажется, что любая программа должна постоянно оценивать «платежеспособный спрос» на реформы. «Платежеспособный спрос» - это выражение из советского прошлого, когда экономическая наука разделяла «объективный» и «платежеспособный» спрос. В данном случае это означает реформы, за которые власть готова «платить» - временным снижением поддержки населения или какой-то группы влияния. А за большинство реформ необходимо чем-то «платить», потому что у нас остались реформы тяжелые, непопулярные.

Пропуская за неимением времени историю изменения «спроса на реформы», хочу сказать, что, на мой взгляд, сейчас правительство начинает сознавать, что придется пойти на какие-то изменения, но пока еще надеется, что это будут количественные изменения (сократить индексацию, повысить пенсионный возраст), но еще не готово на качественные изменения. Будут ли работать обновленные «Основным направления деятельности правительства»? Они рассчитаны в основном на импульс от девальвации и поддержку импортозамещения. Но выигрыш от девальвации по мнению многих экономистов (от Кальво до Андрея Белоусова) определяется прежде всего изменением пропорций между оплатой труда и прибылью. В 1998 году удалось резко повысить конкурентоспособность за счет сокращения доли оплаты труда в ВВП, а доля валовой прибыли за один год увеличилась на 15 пунктов. В 2008 году этого не произошло, наоборот, конкурентоспособность снизилась. В 2014 году конкурентоспособность чуточку повысилась, но на 2 пункта, а не на 15, поэтому серьезного импульса наша экономика не получит. Пропускаю сюжет, связанный с детальным анализом потенциала импортозамещения по отраслям, который как раз обсуждался на первом диспуте, где мы спорили с Алексеем Леонидовичем Ведевым о влиянии курса на экономический рост.

Перехожу к тому, что же делать. Первоочередная задача – создать платежеспособный спрос на реформы, поскольку в противном случае любые попытки изменить ситуацию ждет судьба «Стратегии 2020». Я не идеализирую «2020», но считаю, что она не была реализована не из-за своих недостатков, а потому что власть надеялась, запуская эту реформу, найти «философский камень», то есть способ без какой-либо «платы» решить все экономические проблемы. Но так не бывает. Второе, нужно определить общее направление экономической политики по аналогии, например, с казахстанской программой «100 шагов». Это важно потому, что сейчас, на мой взгляд, бизнес оказался в ситуации полной неопределенности. Весь предыдущий вектор движения: интеграция в мировую экономику, вступление в ОЭСР, создание международного финансового центра в Москве и т.д. - все это уже не актуально, а что актуально, куда будет двигаться ситуация - неизвестно. И в такой ситуации бизнес

проводит единственную разумную политику – ждет, когда ситуация прояснится. Конечно, новая стратегия должна быть не просто пиар-заявлением, а содержать какие-то серьезные, вызывающие доверие тезисы.

Ключевые цели новой стратегии. На первом этапе должна быть восстановлена макроэкономическая стабильность. Причем на этой стадии стимулирование спроса должно быть запрещено, поскольку оно только затягивает выход из кризиса. Особенности нашей экономики таковы, что внешняя стабилизация после такого шока происходит, в основном, за счет сокращения спроса. Если мы внутренний спрос стимулируем, мы просто мешаем экономике адаптироваться к шоку. На следующем этапе нужно решать структурные проблемы. Первая из них связана с рынком труда, и здесь я бы отдал приоритет мерам, решающим сразу много задач. К счастью, у нас такие есть: например, установлено, что чем больше численность (на душу) занятых в госуправлении в российских регионах, тем хуже экономический рост в регионе. Если мы сокращаем численность госуправленцев в регионе - конечно, вместе с функциями, то мы одновременно решаем 3 задачи. Мы помогаем рынку труда, мы помогаем бюджету, и мы помогаем экономике расти.

И самое трудное, конечно, институциональные изменения. Здесь требуется радикальное разгосударствление бизнеса, сокращение нерыночного сектора, изменение отношения бизнеса с властью, отказ от промышленного патернализма, поддержки независимо от эффективности, кардинальное ослабление силового давления на бизнес и явно избыточного контроля регулирования его деятельности. Все это очень трудно, но альтернативы нет. Альтернатива - это деградация нашей экономики. Надеюсь, мы вместе этого не допустим. Спасибо.

Буклемишев. Поступило донейшен – 100 рублей.

Реплика. Это не донейшен, это записка.

Буклемишев. Пока продолжается сортировка вопросов, у вас есть еще несколько минут для того, чтобы задать вопрос, я хочу, во-первых... Господа, что это такое?! 100 рублей! Солидные люди собрались! Пишите вопросы на нормальных купюрах.

Реплика. Кризис!

Буклемишев. Несколько фактов из истории диспута-форсайта. В 100 диспутах приняли участие 201 разных диспутантов, из них 94 представляли АНЦЭА, 162 были мужчинами и всего 39 женщинами. Это нам с Андреем упрек, мы будем больше в гендерный аспект смещаться. Второе, что показалось мне очень интересным: какой центр чаще всего делегировал диспутантов. Это Институт экономической политики им. Гайдара – аж 14 раз, притом 7 разных диспутантов выступали от имени Института экономической политики им. Гайдара. За это необходимо вручить торжественных слонов. Сегодня у нас есть несколько призов. Несколько из них еще впереди, а я хочу вручить сейчас 2 замечательных приза. Во-первых, они демонстрируют то, что мы традиционный институт, ровно потому, что первыми мы начнем поздравлять президиум. То есть как принято у нас в стране, будем поздравлять президиум. Как вы думаете, кто является самым активным диспутантом за всю историю?..

Реплика. Григорьев.

Буклемишев. Абсолютно точно! Григорьев Леонид Маркович. Но поскольку Леонид Маркович получал приз, когда был 50-й диспут... Мы ввели, как экономисты часто делают, новый показатель и решили награждать по нему. Этот показатель – количество участия в диспуте, деленное на количество центров, которое представлял уважаемый диспутант. У Леонида Марковича этот коэффициент снизился до 2,5. А победил в этой номинации Евсей Томович Гурвич, который 14 раз участвовал в диспутах и представлял один единственный центр. Евсей Томович, поздравляем вас.

Гурвич. Спасибо большое.

Буклемишев. Хотите сказать что-нибудь? Леонид Маркович точно хочет...

Григорьев. Буквально одна фраза. По-честному надо делить на 8.

Гурвич. Что касается меня, то вы, конечно, присутствуете при полевом эксперименте, как работает в нашей стране административный ресурс. Большую часть существования диспут-клуба я был председателем и значительную часть был президентом АНЦЭА. Естественно, я не упустил возможности самому выступить. И, наконец, прошло 100 диспутов, и это было вознаграждено.

Буклемишев. Помимо административного ресурса, мы еще должны отметить самых активных слушателей. У нас есть самый активный слушатель. Опять же, традиционно этот слушатель получил приз ровно 50 диспутов назад, это Лисин Валерий Юрьевич.

Реплика. На что делить будем?

Буклемишев. Я пока назову двух других участников. Винокур Сергей Юрьевич. Сергей Юрьевич, я вас вижу, диплом мы вам обязательно вручим как занявшему второе место в этой номинации.

Лисин. Самые приятные призы - это неожиданные.

Буклемишев. Этот результат мало кем перекрыт. И третий участник, которого сегодня, по-моему, нет, это мой любимый участник диспутов - Норкин Кемер Борисович, с которым мы очень часто спорим. Мы ему обязательно передадим приз, когда он появится в следующий раз.

Сейчас мы переходим к ответам на вопросы. Поскольку Леонид Маркович имел больше времени ознакомиться с вопросами, ему, видимо, теперь представляем первому право.

Григорьев. В какой-то лимит надо уложиться? Первый вопрос: Как у нас работает Агентство по стратегическому планированию? Как мы точно установили, у него нет никакой цели, программ и стратегии. Стратегий сколько хочешь! Они отличаются только тем, через сколько недель они положены на полку. Агентство как способ выявления рисков и т.д., там люди работают плюс весь консалтинг вокруг правительства, там свежие юристы с разными горизонтами. Как хранилище идей и решений, как место для обсуждений – полезная вещь. Госплан не восстановишь, частная собственность и инвестиционные решения остаются частными. Большой роли в координации инвестиций оно не сыграет. Госкомпании как обычно у нас работают? Секретари, охрана, компьютеры, IT-шники будут 10 лет писать правильную программу.

К чему стремиться в 2050 году? Нет какого-то одного показателя, так не бывает. Я назову несколько, чтобы было хоть за что зацепиться. Во-первых, 35 лет, это очень много, поэтому к 2050 году, конечно, с какими-никакими темпами роста мы должны дойти до 30-35 тысяч долларов ВВП на человека, и в этом смысле ряд проблем решаются - за счет общего уровня, но другие страны могут уйти еще дальше... Во-вторых, конечно, мы должны сосредоточиться на человеческом капитале, студентах, по возможности, переманить назад. Самые лучшие и так возвращаются, потому что там у них потолок с карьерой, а вот серединка попадает в финансовую ловушку, а нам она нужна - вот ее бы переманить. В-третьих, неравенство снизить чуть ниже англосаксонского, чуть-чуть ненамного, но прибавить англосаксонские вертикальные лифты. Вот, как минимум. А остальное – демократия, мир и пармезан. Пока напомним, что во всем мире флегматики и меланхолики сидят дома в покое, а холерики едут за приключениями по миру. А в России наоборот – флегматики эмигрируют!

Экономические группы регионов, был вопрос, надо ли там? Есть книжка 2010 года по регионам под редакцией Г.Р.Хасаева (министра экономики Самарской области), Н.В.Зуборевич и моей. И у нас висит Доклад на сайте Аналитического центра, мы показали, что с начала 2000-х годов соотношение между тематическими группами регионов по

развитию не меняется, например, к среднему по стране: 120 - 80 - 60 - 40 %. Поэтому есть устойчивые группы, поэтому сравнивать области надо внутри групп.

100 рублей прислали. Не говоря уже о мизерности суммы, спрашивают, что я делаю сегодня после 9 часов? Я надеюсь, пью пиво с друзьями. Курс на завтра рубля никогда не говорю публично, потому что воспитан на американской системе, там нужно тогда Disclaimer, если кто-то за эту цену купит, а потом нажалуется на меня, то это не ко мне.

Вклад АНЦЭА в стратегию. Понимаете ли, в чем дело! АНЦЭА сформировалось в то время, когда Академия сидела совсем без денег, университеты как-то были в задумчивости. Все-таки, нам 13 лет! Вспомните, что было тогда! Доисторический Президент, о котором сегодня упоминали, то есть я, начинал со значительной разрозненности. Потом произошел колоссальный обмен информации между центрами... Потом произошел огромный обмен материалом, и АНЦЭА и продукцией своей. Это повлияло, я считаю, и на работу в Академии, и в университетах. В университетах нет такой системы обмена. И вообще непонятно, как работает обмен научной информацией – все еще нет единой среды, или «конкурентного рынка». Поэтому это не только то, что мы выработали как АНЦЭА и как отдельные центры АНЦЭА выработали на своих министерствах. Правда, в порядке честного доклада придется доложить, что за много лет и ряд предложений мне не удалось уговорить АНЦЭА (ни когда я был президентом, ни потом) сделать собственную стратегию. Не пошли на это – в основном хотели «заказа сверху». Я знаю, кто и почему не пошел, но не буду договаривать, это не так важно теперь. Ну не решились! А так – во всех программах за 21 век очень много «наших»!

Возможность уйти от ценовой зависимости? Как? Понимаете, для маленькой страны понятно, как они это делают. Скажем, Норвегия? Во-первых, есть проблема: сначала нефть, а потом институты, или сначала институты, а потом нефть? Поэтому все уравнения, которые показывают, что ресурсы проклятье имеют ограниченное значение, поскольку рядом страны, которые справились – начинать надо с институтов, а не раскройки ренты. Если у вас сначала институты, как в Норвегии, то тогда все в порядке. Но перегонять ренту в человеческий капитал, уход в массовое владение акциями, которые потеряли вообще при transition. Финансовый сектор надо достраивать, чтобы был механизм перераспределения. Что-то там можно и с налогами придумать. В общем, я не думаю, что существует какой-то простой способ. Для нашей страны нет простого способа!

Спрашивают, о технологиях при санкциях. Во-первых, в стране много всего куплено, если бы все использовали массово, то у нас итак выросла бы эффективность на 20 %, уверяю вас. Второе, надо ведь хоть что-то развивать, потому что классический пример, посмотрите, у нас есть бюллетень по санкциям в Аналитическом центре, я там про это написал. Если отделить нефтяников от разведки, и сразу компании перешли на импортные технологии, бросили все, что им можно было делать, так что они ни по собственности, ни по приказу не финансировали 25 лет развитие собственных технологий. А потом мы удивляемся, что у нас отсутствуют технологии. Это трудная проблема, но это решаемая проблема – потребуется время, деньги, головы и упорство.

Денежная реформа. Вот денежная реформа – фантастика. Как ликвидация навеска, это одно. Я не вижу никаких новых рублей. Я не вижу, почему новый рубль будет лучше, чем старый с точки зрения накопления – оборудование все равно закупать? Это червонцы были такие, помните, были хорошие червонцы в 1920-х. У меня до сих пор есть серебряные монеты того времени, но это не инвестиционные проблемы решает, это из другой области – стабилизации обращения.

И кто может инвестировать в стране? Инвестировать должны собственники. Нигде в сколько-нибудь больших странах иностранные инвестиции устойчиво не бывают больше 1-2% ВВП при норме накопления 20-22 %. Были какие-то периоды, возможно, США получали

больше в XIX веке, еще что-то – я найду вам еще отдельные примеры – больше в малых странах и не при санкциях. Но устойчиво все равно 95% должно быть национальных. Определенные проекты были исторически государственные с последующей приватизацией. И деньги же есть, мы вывозим их вслед за нефтью, а потом и людей к ним.

Аузан. Как это у Жванецкого - неразнообразие ваших вопросов компенсирую разнообразием своих ответов. Значит, давайте начнем с вопроса такого, я бы сказал, политико-экономического характера. Как долго может продержаться новый социальный контракт? Я думаю, что у него не очень большой ресурс. Сейчас объясню, почему. Если лояльность в обмен на стабильность - это контракт, который стоял на хорошей мировой конъюнктуре и нефтяных ценах, то здесь нет такой подложки. И этот контракт нужно подкармливать либо военными победами, либо громкими проектами. Путь военных побед, на самом деле, связан с колоссальным нарастанием рисков, а путь больших проектов связан с риском недостатка денег для того, чтобы их реализовывать. Поэтому я бы сказал, что, на мой взгляд, будет некоторый всплеск такого рода проектов в 2016-2017 году, к 2018 году они должны быть введены, а потом ресурс кончится.

Теперь выбор образа будущего – кто, все-таки, субъект этого выбора? Кто его должен делать? Значит, уважаемые коллеги, на мой взгляд, субъектом любого абсолютно выбора является элита, которая затем включает это в свою повестку и продвигает в другие группы населения, за которые они конкурируют. Так вот, единственная возможность сформировать устойчивую стратегию на основе образа желаемого будущего – найти консенсус элит в отношении этого желаемого будущего, и тогда независимо от тех или иных поворотов будет воспроизводиться основа стратегии. После этого есть смысл искать систему компенсационных сделок, промежуточных институтов и т.д. Кто может запустить механизм поворота и кто может осуществить этот поворот? Это очень личный вопрос, но я бы сказал, что по моим ощущениям сейчас наиболее заинтересованной группой являются не бизнес, на который мы привычно смотрели как на институционального предпринимателя, а некоторая часть российских бюрократов, которые, по-моему, полагают, что ситуация чревата довольно большими трудностями впереди, поэтому надо попытаться найти какие-то дороги. Вообще, надо сказать, российская бюрократия традиционно играла довольно большую роль в развитии, если мы будем говорить об истории. Видимо, она готова и сейчас к такого рода роли - часть бюрократии - для себя открыть. Это мне кажется.

Какие нужно принять первоочередные меры для изменения экономического курса в сторону стабилизации? Кроме вот этих групп я бы сказал, что если мы говорим о том наборе 5 мер, которые я пытался вывести исходя из связки сдвига образа будущих инвесторов, промежуточных институтов и социокультурных характеристик (я имею в виду те характеристики, которые фиксируются, например, такими опросами - есть достаточно устойчивые многолетние уже наблюдения, которые позволяют говорить о такого рода различиях), так вот, если говорить о той системе мер, то там появляются заинтересованные группы, связанные с регионами. Вообще, сдвиг, связанный со стабилизацией, увеличивает количество групп, заинтересованных в развитии и заинтересованных, например, в развитии пространственного потенциала. Именно поэтому я думаю, что напрямую не получится перейти к целям развития человеческого капитала, нужно будет сначала прийти через цели пространственного развития. Но это только предположения. Надо будет внимательно смотреть, как это все может получиться.

Приведите 2-3 примера промежуточных институтов. Да, пожалуйста! Один я уже назвал. Промежуточные институты всегда выглядят странно, не экономически. Например, промежуточный институт, о котором я говорил. Да, я считаю, что замена косвенных налогов на прямые, развитие прямых налогов - одновременно селективный механизм, когда человек может выбирать направление использования налога, это такой промежуточный институт на

той фазе, когда у нас нет инвестирования денег населения через, скажем, финансовые рынки, акции, о чем говорил Леонид Маркович, потом это может принять другие форматы – не обязательно через акции. Но вот это пример промежуточного института, на мой взгляд.

Да, время уже для реплик другого диспутанта, но тут вопрос, какие институты в 2035 году должны быть? Я бы сказал так. Я не знаю, какие институты в 2035 году должны быть, но я знаю критерии, по которым отбираются такие институты. Последние 10 лет исследований Норта, Уоллиса, Вайнгаста, а затем параллельно Асемоглу и Робинсона привели к формированию трех идей: законы пишутся для себя элитами, распространяются на других, а не законы для других, исключения для себя, это деперсонализация организаций коммерческих политических и неполитических, и это коллективный контроль инструментов насилия, между раздела инструментов насилия между элитами. Вот если институты отвечают этим трем требованиям, они, скорее всего, отвечают тем целям, о которых я говорил.

Так, куда нужно инвестировать? Какая ожидаемая структура экономики? Не знаю! Сейчас скажу, почему. Мне кажется, нельзя идти путем проецирования нынешних отраслей в 20-летнюю перспективу. Потому что есть отрасли, которые сейчас вполне благополучны, их может просто не оказаться в 2035 году! Например, я не знаю, что будет с автомобилестроением, если произойдет переход на электрокары, и при этом без водителей. Есть перспектива у автопрома? Не уверен! Более того, я такой вопрос задал, была встреча с владельцами торговых сетей, я сказал, что торговые сети имеют великое будущее, смутное настоящее. Я просто не вижу, какое будущее у них, я не вижу торговые сети в 2035 году при резком углублении, например, телекоммуникаций. Потому что они стоят на экономии на масштабе, на стандарте. Вот где эти ангары? Может быть, они придумают какую-то трансформацию. Поэтому невозможно, мне кажется, очень трудно предсказать эту структуру 2035 года. Поэтому сначала нужно говорить о том, чего мы хотим, а потом разворачивать это в то, что будет по отраслям, по тем или иным социальным и профессиональным группам, и т.д.

Уточняющий вопрос: существует большое количество стратегий разного уровня. Как можно их гармонизировать? Видите, вообще, есть закон о стратегическом планировании, который такую иерархию предполагает, но проблема, на мой взгляд, в том, что у нас еще не существует стратегии метауровня. В чем согласны многие участники разработок со времени программы Грефа? Да нельзя построить, скажем, экономическую стратегию, если вы не владеете данными по военному бюджету или по инвестициям в ОПК, или по эволюции силовых структур и т.д. Все надо делать совместно! Поэтому по существу метауровень нужен.

Технический вопрос: откуда данные, что за данные? Данные по государству – 9 триллионов, это резервы национального правительства, 4,5 триллиона, это примерно инвестиционные статьи бюджета. По населению 21 триллион, это накопления в рублях, и примерно 10 триллионов, это накопления в валюте. Что-то еще было по уточняющим вопросам. Нестандартизированный продукт. Кроме космоса и военной техники, где это вообще применимо? Слушайте, все креативные индустрии, между прочим! Все программные и интеллектуальные игры, киноиндустрия и т.д. Довольно много тех отраслей, которые мы традиционно не рассматриваем. Плюс опытное производство в абсолютно любой области, потому что они всегда малосерийны. Спасибо, я на этом закончил, хотя, конечно, есть еще детали. Спасибо.

Гурвич. Я, естественно, начал с денежного вопроса, проплаченного 100 рублями. Первый вопрос: что вы будете делать сегодня в 21 час? Он контекстно-зависимый ответ. Это зависит от того, кто спросил и что имел в виду предложить мне на 21 час. Я открыт для рассмотрения вариантов. А вторая часть, какой завтра будет курс доллара? Вы знаете, у меня

есть друг, с которым мы вместе учились в университете, сейчас он работает на Wall Street. Как-то я ему задал аналогичный вопрос, на что он твердо ответил: «Если бы я знал ответ, я был бы самым богатым человеком в мире». Вот с тех пор я понимаю, что на такие вопросы можно ответить только так.

Роль технологического трансфера в России в 2000-2020-2030. Понятно, что это главный канал, по которому происходит повышение технологического уровня, повышение эффективности экономики. Поскольку у нас всего этого не произошло, по-видимому роль технологического трансфера была низкой, можно предположить косвенно. Возможно ли уйти от сырьевой зависимости? Как это сделать? Знаете, еще даже нет единой позиции, по каким главным каналам, скажем, собственное проклятье передается, связанное с ресурсной зависимостью. Некоторые считают, что главное, это макроэкономическая волатильность, повышенная нефтеэкспортирующая в других странах. С этим отчасти, по крайней мере, удается снижать ее, несмотря на большое сопротивление. Другие говорят, что это институты. Можно ориентироваться. С институтами у нас не улучшается ситуация, а качество институтов ухудшается. Можно посмотреть просто на примеры стран, которые уходили от этого, они шли шаг за шагом. То есть взять нашего соседа – Финляндию. Это была страна, ориентированная на производство древесины, потом они стали производить не только древесину, а еще перерабатывать ее в бумагу, потом стали производить мебель, потом стали производить оборудование для производства мебели и для бумаги. В результате они стали мировым лидером в этом кластере. Примерно также шло развитие и в других странах, которые первоначально были сырьевыми, включая Австралию, Канаду, США, Германию.

Так, у кого будут пенсии в 2030 году, у кого быть не должно для здоровья экономики? Я не сторонник точки зрения, что пенсий в перспективе вообще не должно быть, поскольку в данном случае есть, очевидная, хорошо задокументированная проблема, что короткий горизонт планирования для принятия решений у людей (в молодости они не думают, на что будут жить в возрасте нетрудоспособном), и есть способ удовлетворить эту потребность. Просто мы неправильно пользуемся этим спросом. В своих статьях я показывал, что если при растущей продолжительности жизни не менять пенсионный возраст, то это обязательно закончится либо деградацией пенсионной системы, либо финансовым кризисом – третьего не дано. Но есть вполне разумный путь: по мере роста продолжительности жизни повышать пенсионный возраст, поддерживая соотношение между активной и пассивной продолжительностью жизни. И в этом случае можно поддерживать стабильность пенсионной системы. В самой по себе идее я не вижу ничего порочного.

Дальше спрашивают, как можно сократить или хотя бы начать сокращать присутствие государства в экономике? Знаете, для этого не нужно особо ничего придумывать. В 60-70-е годы было движение диссидентов, которые решили сосредоточиться не на критике законов, а на том, чтобы доказывать, что они не выполняются. У нас есть, например, указ президента, который я уже упоминал в выступлении, где все прописано: до 1 декабря 2012 года подготовить программы учреждения непрофильных активов в госкомпаниях, до 1 марта 2013 года провести анализ эффективности работы консолидированных государственных компаний, выполнить программу приватизации, которая в 2012-13 была выполнена примерно на 10 % от того, что запланировано. Считалось, что слишком недооценены наши компании тогда. Понятно, как теперь они будут переоценены. Ограничить приобретение акций, долей хозяйственных обществ с преимущественно государственным участием. Государство должно до 2016 года - ждать уже недолго – выйти из капитала компаний не сырьевого сектора, не относящихся к естественным монополиям и оборонному комплексу. Так что все уже придумано, осталось выполнять.

Какие конкретные меры предлагаются, чтобы достичь целевых показателей КДР? Я считаю, что не нужно достигать КДР, нужно забыть о них и начать разрабатывать новую программу, например, объединив некоторые идеи из «100 шагов» и из программы 2020.

Какие реформы могут быть полезны элитам и экономике? На самом деле, такого противоречия нет в долгосрочной перспективе. Вопрос в том, что элиты наши обычно имеют очень короткий горизонт планирования, а в краткосрочном плане они обычно проигрывают, поэтому они блокируют все, что им невыгодно сегодня, не думая о завтрашнем дне. В этом проблема. Посмотрите, как в Китае она решена. Там проводят реформы, от которых коммунистическая партия в долгосрочной перспективе проиграет, а экономика выиграет, но в краткосрочном не проигрывают элиты, поскольку реформы идут очень медленно.

Какие механизмы изменения вы видите? Первое, я говорил об этом, осознание ситуации. И здесь очень много зависит от экспертов. И последнее, какой реальный вклад независимых аналитических центров в формирование стратегии и картины будущего, для которой нужна стратегия АНЦЭА и другие. Коллеги активно участвовали в разработке Стратегии 2020, которая практически не была использована. Отдельные изюминки из нее выковыряли. И я думаю, что сейчас наша главная задача, - с одной стороны, помогать власти осознать реальную картину и объяснять, что нет легких путей, что не нужно покупаться на обещание таких панацей, например, насытить экономику деньгами и этим решить сразу все проблемы. Все это шарлатанство. Спасибо.

Буклемишев. На слове «шарлатанство» мы переходим к самому интересному, к вопросам и к комментариям из зала. Скажите, пожалуйста, кто хочет выступить по теме сегодняшнего диспута? Вообще нет желающих? Один. Задать вопрос, может быть, еще? Два.

Реплика. Три, включая Виталия Леонидовича.

Буклемишев. Давайте начнем, действительно. Регламент, хотел с вами посоветоваться, поскольку мы работаем уже 1 час 45 минут, у нас еще заключительные слова от сегодняшних диспутантов, поэтому 2 минуты хватит? Давайте 2 в расчете на то, что кто-то подключится. Я буду не жестко стараться соблюдать регламент. Просьба человеку представляться, и девушки вам сейчас поднесут микрофон. Пожалуйста, первая рука была здесь.

Никитченко. Алексей Никитченко. Спасибо за интересное выступление. Александр Александрович говорит, что существует неформальный договор между властью и обществом. У меня складывается такое ощущение как у стороннего слушателя, что между властью и независимыми центрами экономического анализа тоже есть неформальный договор. Я не знаю, что дает власть, но независимые центры экономического анализа говорят пространно, что разработка стратегии - это сложный и непонятный процесс, очень много сложных факторов. По крайней мере, мне как стороннему слушателю кажется, что у нас, если будет разработана Стратегия 2030, она, я знаю, разрабатывается, будет много повторений истории, как Леонид Маркович говорил. Мне просто кажется, смотря на опыт других стран, которые делали рывок (Корея, Финляндия, Чили), то там очень интересная закономерность: они брали простую, конкретную цель. Если есть у них задача делать большой экономический рост, прирост ВВП, чтобы он случился, нужно привлечь большое количество инвестиций. Они выделили конкретные направления, дальше уже привлекали инвесторов и создавали условия. У нас почему-то ничего такого нет, никакой конкретики по возможностям экономики, по перспективам по работе с инвесторами нет. И это, собственно, очень сильно смущает.

Буклемишев. Спасибо. Следующий вопрос был.

Тамбовцев. Спасибо. Тамбовцев Виталий Леонидович, я упоминался в этих бумажках, и это правда. Выступить я хотел с очень короткой репликой – поделиться тем, что мне пришло на ум, когда я получил приглашение на диспут именно с этим названием.

Знаете, что я вспомнил? В журнале «Веселые картинки» во времена моего детства была замечательная такая байка: «Вася, я медведя поймал» - «Тащи его сюда» - «Да он меня не пускает!». Спасибо.

Буклемишев. Спасибо.

Муж. Добрый вечер. *, институт Гайдара. У меня вопрос, а не комментарий. Мне хотелось бы, чтобы ответили все выступавшие. Про Казахстан, у них же недавно была опубликована очень амбициозная программа. С учетом того, что мы в одной нефтяной лодке плывем. Судя по всему, вот ваша оценка, насколько вероятно, что им удастся реализовать? Почему они могут, а мы нет? Или мы тоже не можем? Такой вопрос.

Реплика. Bravo!

Буклемишев. Спасибо. Вопрос, видимо, не только от одного слушателя. Представляйтесь.

Чаев. Чаев Владимир, кафедра учета, анализа и аудита. У меня вопрос, может быть, с некоторой репликой из тональности реплики. Вот сейчас в регионах России формируются всевозможные стратегии развития конкретных регионов – субъектов Российской Федерации. Скажем, к примеру, Московская область – какую стратегию разработали с помощью «Делойт энд Туш»? То есть подключилась крупная аудиторская компания для того, чтобы для Московской области разработать такую стратегию. И стоила она немалых денег для Московской области. В Ульяновской области, в Среднем Поволжье, подписались другие - не аудиторы, а в чистом виде консалтинговая фирма. Причем, на мой взгляд, «Делойт энд Туш», я не видел там стратегов или лиц, которые разбираются, как вообще формировать региональные стратегии. Вопрос к чему? Кто-нибудь координирует все эти стратегии, которые формируются напрямую? Вот мы говорили о том, есть ли востребованность в этих стратегиях, есть ли заказ? Есть, оказывается, заказ! Губернаторы заказывают, администрации областей заказывают эти стратегии. Но каждый во что горазд! Хоть кто-нибудь в нашей России-матушке задумывался над тем, что эта работа требует хоть какой-то элементарной координации? Тем более, что занимаются этими стратегиями совершенно не стратеги, а аудиторы.

Чихун. Можно вопрос? Чихун Людмила Петровна, кафедра мировой экономики. У меня такой вопрос. Я очень внимательно слушала. И, честно говоря, я так и не поняла, кто у нас стратегии разрабатывает? Это чиновники разрабатывают стратегии и, соответственно, лоббируют интересы и законы составляют такие, что народу непонятно, потом они делегируются народу? Или, все-таки, наука имеет отношение к формированию стратегии? И если наука имеет отношение к формированию стратегии, то почему они все неудачные? Или они просто удачные, но неработающие?

Тюрина. Тюрина, МГУ, экономический факультет. Сегодня я занимаюсь как раз прикладными исследованиями, но специализация моя такая, так получилось, что мне пришлось уже 20 лет работать в сфере АПК. И я могу ответить на многие вопросы, которые сегодня были поставлены. Я могу сказать, что стратегии сегодня разрабатывают чиновники, да. Но они ориентируются на программные цели, которые разрабатываются в правительстве. При этом есть лоббисты, которые лоббируют ситуацию в отраслях, и основная цель развития отраслей сегодня – дайте денег. И сегодня все программы инвестиционные и программы развития регионов ориентированы на именно этот постулат. То есть дайте денег, дайте денег на долгий период, и если можно, то простите долги, если мы не сможем это выполнить. На самом деле, сегодня мы имеем такую ситуацию. Но этот доклад я сегодня послушала, он заставляет задуматься о том, что сегодня мы живем так, сегодня мы хотим получить деньги из бюджета. Это главная цель всех участников. Я подумала о том, что есть разрыв бизнеса и науки, к сожалению. А мне приходится общаться именно с бизнесом. Так вот, я думаю, как бы нам подумать о том, что делать именно совместные какие-то совещания. Это будет как

раз тот самый период адаптации бизнеса сегодняшнего к бизнесу 2030 года. Об этом стоит задуматься.

Буклемишев. Спасибо. Еще?

Урожаева. Юлия Урожаева. Вопрос такой. Скажите, кто будет реализовывать стратегию? Если есть хорошая стратегия, как создать стимулы для госаппарата, как привлечь бизнес-сообщество, в интересах которого эта стратегия реализуется. Как поставить цели и стимулы привить, чтобы они это делали. Спасибо.

Красникова. Красникова, экономический факультет. Все было прекрасно, поставлен был ключевой вопрос: что делать с российской экономикой? Был дан ответ четкий и ясный, весьма убедительный, весьма обоснованный и т.д. Но мне кажется, что ключевое слово прозвучало в выступлении Евсея Томовича, он вдруг упомянул о смене цикла нефтяных цен. Здесь ключевое слово «цикл». А что стоит за этим циклом? За циклом стоит циклическое развитие экономики. А вне циклического развития никакая экономика развиваться не в состоянии, потому что индустриальное развитие по своей природе есть циклическое развитие. И в этой связи у меня ответ на вопрос «Что делать?» упирается в вопрос – обеспечить, оформить, обосновать, внедрить – я не знаю, какое слово – индустриальное циклическое развитие российской экономики. Здесь эта проблема модернизации, которая была в свое время похоронена, здесь проблема реиндустриализации, как она сегодня возрождена. Но успех дела зависит от вопроса: куда плывет национальная экономика? А плывет она не вперед, а назад, не к рынку, а к государству. А для того, чтобы обеспечить индустриальное развитие, циклическое развитие, главное действующее лицо – бизнес, а не государство. Государство должно только помогать. И пока у нас соотношение сил складывается явно и однозначно в пользу государства. А государство вовсе не намерено слушать весь тот набор мер, о котором вы сказали. У них свой набор.

Филиппова. Добрый вечер. Ирина Филиппова, экономический факультет, студентка. Вопрос такой, Александр Александрович, к вам. Вы говорили сегодня – и не только вы, - что реформы возможны, только когда они нужны людям. Вопрос такой: переход к прямому налогообложению нужен сейчас людям? Возможна ли эта реформа? Спасибо.

Филоенко. Филоенко Игорь. Очень короткий вопрос и такой же короткий, на мой взгляд, ответ может быть. Последний внятный слоган определяющих решение был гласность. До этого была индустриализация... Были такие слоганы, которые определяли движение. Инновации, затем сейчас импортозамещение... Я не хочу эту тему поднимать и обсуждать, но понятно, что это какая-то невнятная история. Сейчас некоторые из экономистов говорят о мобилизационном будущем нашей экономики. Какой бы вы дали слоган – это вопрос ко всем участникам – будущему движению, если бы мы считали, что мы правильно (убираем, что это мобилизационное), куда мы движемся?

Буклемишев. В одно слово, Игорь Константинович?

Филоенко. Одно-два слова, не больше.

Буклемишев. Хорошо, принято. Все, наверное? Спасибо.

Маковецкая. Маковецкая, центр «Грани». У меня два вопроса, если позволите. Первый вопрос касается того, что я из Перми, из российского региона. Есть ощущение, что хотя бы часть российской жизни связана сейчас с нарастающим процессом криминализации и инвентаризации нашей жизни. В том числе часть выступающих, которых мы видим, уже сейчас не работает в России. Каким вы видите экономический рецепт для некоего разоружения, декриминализации жизни в России? Это первый вопрос. И второй вопрос к Александру Александровичу. Александр Александрович, а в чем вы видите роль сейчас экономической самоорганизации российского населения?

Шмелев. Добрый вечер. Спасибо за лекцию. Андрей Шмелев, ВШЭ. У нас прозвучала тема про электромобили, и у меня такой вопрос, Александр Александрович, к

вам в первую очередь. Если мы вспомним основу статистики, что 60 % спроса на нефть, это транспорт. Если мы будем рассматривать расклад, при котором весь транспорт рано или поздно перейдет на электричество, чем это может для нас закончиться? И что мы будем при этом делать? Спасибо.

Буклемишев. Спасибо. Завершили сессию комментариев и сбора вопросов. Большое спасибо нашим помощникам. Порядок давайте такой установим: сначала Евсей Томович, потом Леонид Маркович, а Александр Александрович в конце. И он же подготовил сюрприз для участников сегодняшнего диспута. В 5 минут давайте.

Гурвич. Спасибо всем за вопросы. Несколько вопросов было по поводу экономических стратегий. На самом деле, это неправильное впечатление мы создали, что разработка стратегий сложный и непонятный процесс. Сложный и непонятный процесс – что потом выйдет из этой стратегии. Почему, в какой момент что-то может найти отклик и быть использовано, или почти целиком будет положено в стол, может быть, через какое-то время будет опять востребовано – вот это, действительно, сложно. Остальное совершенно понятно. Кто разрабатывает стратегии и почему они неудачны? По-разному. Был разный опыт. КДР разрабатывало Министерство экономики, советуясь, обсуждая время от времени с экспертами. Стратегию 2020, как известно, разрабатывали эксперты с участием в том числе, как вы сказали, ученых. Но почему они неудачные? Как раз мой главный месседж был не в том, что у нас неудачные стратегии, а в том, что нет спроса на них по политэкономическим соображениям. Либо стратегия ущемляет чьи-то интересы, влиятельных групп, поэтому она блокируется... Не только стратегия, даже указы президента, их подписывал президент, они в отличие от некоторых других подписаны персонально, как я продемонстрировал, тоже не выполняются. Не потому, что они плохие. В этом указе очень много правильных предложений по политэкономическим мотивам. Значит, мы должны найти способ решать эти проблемы, найти коалицию, как когда-то часть сидящих здесь разрабатывало программы, коалиции для будущего, построенные именно на том, что на первый план выдвигали политэкономические вопросы.

Казахстан. Я как раз несколько раз ставил его в пример как образец. Да, я считаю, что это очень разумное направление движения, желаю успеха нашим соседям, друзьям из Казахстана. Насколько им удастся продвинуться, не знаю. Почему у нас этого нет? Вот, почему мы не Сингапур?.. Кто должен реализовывать? Есть кадры в ведомствах, я наблюдаю, в ведомствах постоянно растет профессиональный уровень верхнего, по крайней мере, слоя зам.министра, директоров департамента. они способны и сами разрабатывать стратегии, и их проводить в жизнь. Поэтому сейчас узкое место не в этом. И последнее, мой слоган – Политика для экономики. Спасибо.

Буклемишев. Спасибо. Леонид Маркович.

Григорьев. Записки, начну с Казахстана. В Казахстане 1/10 от российского населения, хорошие природные и людские ресурсы, 1/30 от наших внутренних проблем и 1/100 от наших внешних. Поэтому у них валовой доход на душу меньше нашего, а располагаемый личный доход уже выше. Казахстану легче по сравнению с нами, тоже трудно, но не так.

Регионы. Кто делает?.. Конечно, делают чиновники. И когда мы берем кусочек маленький интеллектуальной элиты, который что-то делает, а потом приходит профессор и говорит: «А почему вы группой интеллектуалов не перебороли за 25 лет меняющиеся политические и финансовые элиты? У вас что там, не пускают, что ли?» И вопрос дальше: а если бы нас не было, вы представляете, что бы они там насочиняли?! Мы тормозим, думаю, многие неудачные варианты, когда и как можем. Обычно ведь разговор – они что-то там напринимают, мы критикуем, потом нам говорят: «Отлично. Мы 3 месяца работали, уже закон приняли за 5 минут, а раз не нравится - найдите очень качественное радикальное

решение и совершенно дешевое». Или: «Строим быстро, качественно, недорого, - как говорят строители, - любое два из трех». Понимаете, мы живем в совершенно других условиях. Государственная чиновничья машина решает или задачи, которые сегодня поставили, или кризис какой-то, или что-то такое в рамках своего видения. Где бы ни делали стратегические карты, везде трудно. Я думаю, что история нас не рассудит - никто не будет заниматься детальным честным выяснением, что центры сделали, тем не менее, что-то пытаемся сделать.

Теперь по Корею. Только не рассказывайте про простоту рецептов Кореи! Специально изучал этот вопрос. Корея - это держава, разбитая войнами середины 20 века до последнего. У них было к 1960 году примерно 200 человек докторов наук экономистов в США. Они оттуда привезли 30-35 человек на американские по уровню зарплаты в очень бедную страну, создали центр и дали по человеку на министерство. Поставили задачу: «Сделай новую стратегию». Никакой простой цели или технологии там не было. Там было все сделано серьезно и координировано. И делали это правительство с компаниями, как и японцы, это была очень серьезная работа, никакой простоты. И в Сингапуре это было все не просто. Это теперь так хорошо смотреть...

Теперь к коллегам, выступавшим. Вроде как, должен отреагировать. По тому, что говорил Евсей Томович, по-большому нет... я просто напомню, что упоминавшаяся программа Грефа, КДР, это все явления одного порядка. Во-первых, у них не прорисованы главные проблемы страны - «говернанс», собственность, устойчивость политики и долгосрочные цели - серьезнейшие вещи. Программа Грефа, я тогда сказал, что это попытка чинить паровоз на полном ходу. Это хорошая была затея в целом ряде отношений, но это в сравнении с тем, что надо было делать с этим капитализмом... все-таки ограничена. КДР, это просто таблица прогнозных цифр, причем, она в определенной части не бьется. Пытался я показать, что там разлетелись реальные с финансовыми показателями, но махнули буквально, как есть. Поэтому не общественный ориентир, что там говорить!

К Александру Александровичу, там простые достаточно вещи, потому что произошла некоторая подмена тезиса. Я сказал, что у нас не удался transition - он сказал, что нам удался переход от дефицита к потреблению. Так от дефицита к потреблению еще как удалось! Основное достижение 25 лет, это дачи и коттеджи, АШАНЫ, «Азбуки вкуса», итальянская мебель, пармезан, в конце концов. А чего нет? Прочитую коллегу-оратора: «Пик Советского союза - Космос, Куба, Нобелевские и «Журавли». А теперь: Космос еще держится, Куба все-таки нелегко живет, Нобелевских почти нет или наши получают за рубежом; вместо «Журавлей» - «Левиафан». Чему радоваться? Так конечно, мы попали в общество потребления. Посмотрите гениальный фильм «Дачники» с Бабочкиным, когда он говорил: «Да, мы учились на бедные деньги, а теперь мы хотим жрать», и пританцовывал. Лучшая его роль после Чапаева. Чему радоваться?

Да, интересная мысль, что бюрократы озаботятся трудностью получения визы в будущем, и могут сделать реформы... Тогда спасибо, как говорится, всем событиям, хотя как-то не верится.

И последнее, пожалуй, замечание: я не верю в «общественный договор», пока мне скажут наконец между кем он и кем! Я понимаю общественный договор в XVIII веке - тогда было понятно: есть царь или король, есть у него какая-то палата буржуев, надо говорить, чтобы жить мирно с котом Леопольдом. Эти готовы за что-то платить - это было понятно. Попытка наша нарисовать эти проблемы, есть статья у меня с коллегами в «Вопросах Экономики» 2008 года. У нас получилось 44 группы интересов. В реалии это не общественный договор между кем-то и кем-то, это договор между теми группами, которые совсем самые важные, да еще теми, кто могут заблокировать общее соглашение. Это порядка 20 думаю... Это не «парный» договор между обществом и властью, это договор, по моим

представлениям между группами с их властью, ресурсами интересами, страхами... Я человек не настолько образованный в философии, чтобы судить по Гоббсу мы живем или по Локку. Но это договор между большими и серьезными группами интересов. И тут было упоминание, по-моему, у Евсея Томовича, что группы преследуют интересы, если они могут. А они всегда могут что-то сделать и пытаются, потому что они точно знают, что хотят и что-то всегда делают. И песочек в буксы любой реформе заинтересованная группа насыплет прежде, чем вы успеете сообразить в чем дело. Спасибо.

Ведущий. Александр Александрович.

Аузан. Я не буду вызывать Леонида Марковича на диспут по вопросу общественного договора, вот не буду и все. И сейчас скажу, почему. Я всегда гордился диспут-клубом. Знаете, почему он прожил не 3 года, а гораздо больше и, похоже, не собирается умирать? Потому что это чуть ли не единственное место в стране, где правила соблюдаются, не меняются. И когда говорят, что он продолжается 2 часа, он действительно продолжается 2 часа. Поэтому это был такой институциональный эксперимент успешный. Один из тысячи институциональных экспериментов, в основном, не успешных, а этот успешный. Так вот, поэтому я буду очень кратким. Я скажу, соединяя два вопроса про воздействие чиновников и Казахстана, я хочу сказать, что на чиновников можно воздействовать и через Казахстан, что мы и делаем. Потому что мы работаем с Казахстаном над разнообразными реформами, а потом приезжаем сюда и говорим: «А почему Казахстан может, а мы не можем?» Но тут приходит Леонид Маркович и говорит: «Там совершенно другая ситуация!» Ничего страшного.

Я отвечу на прямые вопросы, которые мне были заданы. Во-первых, про роль экономической самоорганизации. Я думаю, что, поскольку я считаю, что главные проблемы страны России вообще является недоговороспособность, и элемент этой недоговороспособности – короткие горизонты доверия и маленькие группы, которые делят ресурсы, то экономические самоорганизации чем хороши? Если это достаточно массовые группы, которым не получается сесть на ресурсы, им приходится заниматься чем-то продуктивным, там начинает накапливаться тот социальный капитал, без которого не бывает скачков, экономических скачков.

Теперь вопрос про налоги. Прямые налоги и селективное распределение нужно кому-нибудь? Тут надо разграничить, кому что. Нужны ли дополнительные налоги власти? Да, потому что мы имеем кризис региональных бюджетов. Я практически убежден в том, что придется вводить высокие налоги на недвижимость (это прямой налог). Но одновременно политической власти, высшей политической власти нужны компенсирующие шаги. Поэтому я говорю, если вы возложите на население этот груз, вы можете скомпенсировать это тем, что вы дадите право населению, например, направить налог либо на строительство дорог, либо на улучшение качества жилья, или на повышение доступности жилья. Вот перейти к каким-то таким вещам. Поэтому, по существу, по любой мере надо найти эти заинтересованные группы, они всегда есть. Иногда для этого нам нужно разделить одно мероприятие на два для того, чтобы эту часть поддержали одни по денежным причинам, а другие по политическим. Это и к вопросу по бюрократии. Я не считаю, что бюрократию нужно уломать и поставить под жесткий контроль, и после этого мы по дороге покатаемся. Это ведь хозяйствующая бюрократия, которая имеет свои интересы. И эти интересы надо брать в расчет. Потому что, если вы это не вводите в формулу, интересы групп-то у вас политически не получается, вы не доделали свою работу экономистов, не сделали расчет согласия, как это называли Таллок и Бьюкенен.

Можно, я на этом буду завершать и переходить к неожиданной части? Дело в том, что пока вы выступали и задавали вопросы, здесь прошел демократический процесс. 3 диспутанта должны были определить двух человек в зале, которые получают специальный

приз. Причем, консенсус. После ожесточенных споров мы пришли к консенсусному заключению. Первый приз как лучшему другу диспут-клуба, который готов приходить на диспуты даже после диспута, вручается Евгению Петровичу Ясеневу.

Ясин. Дорогие мои, я испытываю чувство глубокого удовлетворения. Даже после того, что я ехал сюда час. В основном, никак не могли этот метромост проехать. Что там за ветка, это просто ужасно. Тем не менее, я приехал, говорили люди примерно то же, с чем я глубоко согласен. Единственное, что у меня есть такая черта, меня все обзывают идеалистом, но оптимистом и таким глуповатым парнем, который как-то, может быть, все понимает, но что-то обязательно украшает, чтобы можно было проглотить. Я ничего не могу сказать о том, чтобы в скором времени все будет в порядке. Все, о чем ребята говорили, я согласен. Я бы хотел с кем-то из них поспорить, но это между своими. Понимаете, там легко перегрызться, а спорить не о чем. Но потом есть какая-то перспектива, есть ли перспектива или нет? Я лично глубоко уверен, что есть. У нас будет очень тяжелый период. В ближайшее время, не знаю, может быть, лет 5-6, но нам нужны изменения в политике. Изменения в политике, это серьезные институциональные изменения, конституция, это верховенство права. Совершенно ясно, * метод научных форм. Понимаете, это просто есть еще один момент, что все, что сделано, оно расходится в интересах правящей элиты. Вот и все, все просто. Можно это сделать предметом науки или, по крайней мере, советников и прочего, потому что таким образом можно жить везде. Написали стратегию 2020, вы здесь ругали. Почему ругали? Там очень правильная и хорошая работа, но она не первая. Обратите внимание, перед этим в 2000 году была закончена программа Грефа. Вы что, думаете, что она была хуже? Нет. Я сам, еще работая в правительстве, был заместителем председателя комиссии по экономической реформе. Председателем был Чубайс. И мы тогда готовили программу, которая могла завершить построение рыночной экономики, демократии и т.д. Что потом делал Греф, когда он готовил свою программу 2000 года? Он списывал из этих бумаг, которые были сделаны в 1997 году. Понимаете, на самом деле, в чем... мне говорят, он уже больше не ученый. Вот Яковлев тут сидит, он мне сказал честно и откровенно: «Вы не ученый, вы общественный деятель. Какая там наука?!» Я с ним согласен. Потому что то, что надо сделать, это уже не наука, это уже политика, вот все. Спасибо.

Аузан. Кстати, получилось от участников 100 диспута к участнику 50-го диспута. То есть мы можем быть на что-то рассчитывать на 150-м. Вот как делается промежуточный институт, вы спрашивали? Вот так и делается! Тебе обеспечили призы на 150-й диспут. Теперь еще один приз, честное слово, я не подделал. Елена, которая объявила себя моей ученицей, по приглашению Евсея Томовича, несмотря на мое недолгое сопротивление, получила приз при полной поддержке Леонида Марковича Григорьева.

Гурвич. Я тоже рад. Спасибо.

Буклемишев. Ну что, господа, осталось совсем чуть-чуть. Во-первых, осталось нам с вами поблагодарить участников сегодняшнего диспута за прекрасно проведенное время. Давайте поблагодарим всех, кто участвовал в организации сегодняшнего мероприятия. И особое спасибо сказать Антону Золотову, который все прекрасно организовал. И сказать, что на этом диспут-клуб завершает свою работу.

Аузан. 100-е заседание.

Буклемишев. 100-е заседание. А 101-е состоится 15 октября. Ждем вас всех в 6 часов вечера. Спасибо.